

Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.)

С. А. Шубина

Российская духовная миссия сыграла важную роль в российско-китайском диалоге. Православные миссионеры выступали в качестве посредников при дипломатических контактах двух государств. В стенах миссии происходило знакомство двух стран, формирование взаимных образов, проповедовалась политика России, закладывалась основа будущих отношений молодого поколения китайцев с Российским государством.

Ключевые слова: Российская духовная миссия в Китае, история русско-китайских отношений.

Diplomatic Activities of the Russian Ecclesiastical Mission in China (XVIII–XIX c.)

S. A. Shubina

The Russian ecclesiastical mission played a significant role in the Russian-Chinese civilization dialogue. Orthodox missionaries acted as mediators in bilateral diplomatic contacts, which have enriched international communication. Within the walls of the mission the two countries met and formed each other's images. The Russian policy was propagated and a basis for future relations between the young Chinese and Russian state was formed. Orthodox missionary outreach can be considered as a successful mechanism for establishing contacts with other countries.

Key words: Russian Ecclesiastical Mission in China, history of Russian-Chinese Relations.

Российская духовная миссия на протяжении XVIII–XX вв. играла важную роль в процессе междивизиационного диалога России с Китаем. Всего в Китай было отправлено двадцать духовных миссий. Создание православной миссии в Китае было вызвано потребностями Русского государства в развитии отношений со странами Дальнего Востока. XVIII–XIX вв. – период административно-правового оформления Российской духовной миссии в Китае, определения ее основных функций. Указ Петра I от 18 июня 1700 г. поставил вопрос о создании духовной миссии в Пекине и положил начало формированию штатов миссионеров и их содержания. По времени это совпало с зарождением и развитием российско-китайских отношений, становлением отечественной науки и связанной с ней системы образования, а также Синодальным периодом в истории Русской православной церкви.

Деятельность первых миссий носила чисто миссионерский характер. В число их задач входила также подготовка переводчиков. Не было еще твердого намерения возложить на Миссию функции торгового и дипломатического представительства, так как необходимую информацию о Китае российское правительство получало от чиновников, приписанных к торговым караванам. Однако с 60-х гг. XVIII в. значительно сократился приток русских в связи с запретом российским торговым караванам заниматься коммерческой деятельностью в Китае и из-за неоднократных приостановок российско-китайской приграничной торговли. Кроме того, многочисленным российским посольствам в Китай не удалось добиться у Цинского правительства разрешения на ор-

ганизацию в Пекине светского дипломатического представительства России. Тогда было решено использовать для этой цели православную миссию. В результате духовная миссия превратилась, по сути, в единственный постоянный и наиболее достоверный источник сведений о событиях в Цинской империи.

Правовые основы существования Российской духовной миссии в Китае (месторасположение, статус, состав, содержание) были определены рядом международных договоров Цинской империи с Россией. Сроки пребывания миссии в Пекине, материальное обеспечение, способы связи с отечеством, предметы занятий ее членов строго регламентировались и осуществлялись на основе инструкций, разработанных Министерством иностранных дел России (далее – МИД) и Синодом и утвержденных императором после их рассмотрения в Сенате (с 1810 г. – в Государственном Совете).

Впервые положение русских в Китае было закреплено официально Нерчинским договором (1689 г.). Существование в Пекине Российской духовной миссии, представители которой находились здесь уже с 1716 г. (или с конца 1715 г.), юридически оформил (статьей 5-й) Кяхтинский трактат (1727 г.). Тяньцзиньский трактат (1858 г.) изменил положение миссии: за христианской религией признавался статус официальной.

С 1744 по 1864 г. миссионеры выполняли поручения Коллегии иностранных дел (с 1819 г. – Азиатского департамента МИДа). Особое наставление Коллегии иностранных дел от 24 августа 1780 г. надолго определило деятельность миссионеров. В пункте 6-м указывалось: «В бытность

вашу в Пекине, когда будут вам представляться способы искусные, без подачи однако китайской стороне сумнительства и повода найти в вас надзорщика нарочного их дел, сведать о каких-либо в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах, образующих их мысли, поведение и действия правительства, можете оным содержать тайную записку для представления ее по возвращении вашем в Коллегию иностранных дел, как такой, которая не может быть не любопытна по оскудевающим инако способам иметь некоторые надежные известия о тамошних происхождениях» [1]. Все предписания, назначения, перемещения в миссии производил МИД, сообщая Синоду о своих мероприятиях.

Обязанности российского резидента в Китае выполнял начальник миссии, архимандрит. Согласно инструкции, «лицо, назначаемое в начальники пекинской миссии ... должно знать китайский язык и быть знакомым с образом действий китайского правительства. Потому обыкновенно выбирается из бывших или настоящих духовных членов миссии» [2]. Он действовал на основе инструкций из МИДа, которые обычно утверждались царем. В одной из них говорилось: «Вы будете сообщать всякие сведения о настоящем положении дел Китайского государства; о происшествиях и событиях как в Китае, так и в соседних странах, о торговле, с возможными о сем подробностями ... и обо всем вообще, что найдете достойным внимания (представлять также выписки из китайских газет с нужными пояснениями и т. п.)» [3]. Если начальник миссии оправдывал доверие правительства, то после возвращения в Россию он производился в епископы и получал ежегодную пенсию в размере 2000 рублей [4].

Дипломатическая деятельность миссии протекала в условиях полной секретности. В инструкции архимандриту Гурию (Карпову), начальнику 14-й миссии (1858–1864 гг.), по этому поводу писали: «Но ежели что в государственных делах подлежать будет тайне, того, под опасением тягчайшей ответственности, отнюдь не открывать, и в письмах частных о том ни к кому не писать» [5]. Для тайной переписки с Азиатским департаментом МИДа использовался шифр, который был оставлен еще архимандриту Поликарпу (Тугаринову), начальнику 12-й миссии (1840–1849 гг.), в 1841 г. приставом Н. И. Любимовым, вице-директором этого департамента. Информация вписывалась особыми симпатическими чернилами между строками невинного текста. Пересылались такие письма через Трибунал внешних сношений Китая (Лифаньюань).

Архимандриту Палладию (Кафарову), начальнику 13-й миссии (1849–1859 гг.), МИД советовал завести «для секретных бумаг входящих, как и исходящих ... особые секретные журналы», в которых следует фиксировать «как секретные бумаги, отсюда поступающие, так и [исходящие] секретные донесения» [6].

Обязанность собирать сведения политического, торгово-экономического и военного характера о китайской стороне лежала на всех членах миссии (лица духовного звания, студенты, врач, художник). Особенные надежды возлагались на врача и художника: «Через труды их и миссия может оказывать разные услуги и одолжения китайским сановникам и другим лицам, для нас нужным, и взаимно ожидать таковых же» [7].

В 1858 г. в отряд казаков, сопровождавший 14 миссию до Пекина, были назначены два офицера – артиллерист и пехотинец. Александр II этим удовлетворил ходатайство министра иностранных дел К. Горчакова: «При вновь назначенной Пекинской Духовной Миссии по прежним примерам будут находиться два казачьих офицера и сорок казаков; в числе посланных и под видом их или вместо казачьих офицеров могут удобно быть назначены люди, сведующие по артиллерийской и инженерной части, и при первом случае пристав миссии может предложить услуги этих офицеров для китайского правительства» [8]. Эти офицеры должны были собирать сведения военного характера и всю добытую информацию в виде донесений отправлять в Россию.

Способы получения сведений были различными: благодаря знакомству с влиятельными людьми и чиновниками Трибунала, путем подкупа или разведки под видом распространения православия, – и, в большинстве случаев, носили постоянный и объективный характер. Так, например, ученики 6-й миссии (1771–1782 гг.) Алексей Агафонов, Федор Бакшеев, Алексей Парышев завели «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 года» [9]. В предисловии к «Журналу» ученики рассказали, как были получены сведения, записанные в нем: «В разныя времена имели мы как с Манджурами, так и с Китайцами дружественныя обращения, и в тех дружественных, многократных обращениях свидаяся часто, как ласкою, так и подарками, приобрели мы многих друзей, из которых некоторые весьма открыто дружились с нами и многия нам открывали тайнства, которыя касаются особливо до Государства. Они все подробно сказывали...» [10].

Раз в месяц ученики ходили в Лифаньюань за получением кормового жалованья, где узнавали

различные новости и «старались о разведывании секретных действий и намерений, какие имеют китайцы в отношении к окрестным государствам, а особливо к России» [11]. Так, им стало известно, что «Русских Китайцы зовут Олосами» [12]. Про русских говорили: «Китайцы все то могут достать, что на яву увидят, а Русские не только то могут достать, что увидят на яву, но что и во сне видят и то достать в состоянии» [13]. Наслышаны китайцы были и про военные успехи русских: «...слышно, что ваши воины умеют городами отстаивать, притом мастера от неприятеля отбиваться и употребляют в сражениях ружья, пушки и в пальбе очень неспешны...» [14].

Учеников приглашали также быть переводчиками на допросах русских перебежчиков, пленных с западной границы, которые «в прощении к Манджурскому хану представили причиною бегства их, что российские Начальники понапрасну их мучат, а потому в России им трудно жить стало; а при том говорили, что ныне в Российском Государстве старая вера переменялась и в изображении креста не так слагают персты, как деды и прадеды их слагать научали» [15]. Тематика журнала включала в себя и факты, волновавшие жителей Пекина: война с мяоцзы, восстания в Ганьсу и Шаньдуне, сильный пожар в Пекине и другие новости.

Чиновники Трибунала часто приезжали на подворье миссии, чтобы посмотреть на церковные церемонии и украшения. Во время трапезы архимандрит одаривал нужных особ российскими вещами. «На поддержание полезных связей и знакомств в Пекине миссии отпущены в достаточном количестве разные вещи, а также имеется особая, по штату положенная, подарочная сумма» [16]. Так, за пять лет 11-я миссия (1830–1841 гг.) раздала китайцам подарков на сумму 6000 рублей. Архимандрит Гурий прямо писал в своем донесении в МИД от 12 ноября 1860 г.: «Где есть китайские писцы (шу-бань), там можно купить всякую бумагу» [17]. В очередном донесении от 29 марта 1861 года о. Гурий сообщал о подкупе членов маньчжурской комиссии, отправляющейся на север для определения новых границ между Россией и Китаем: «При отправлении уссурийской комиссии я дал 10 фунтов серебра одному из ее членов, обязав его действовать в наших видах» [18].

Члены миссии участвовали в разрешении политических проблем, возникавших между Россией и Китаем, таких как подготовка китайского посольства в Россию (1729 и 1732 гг.), вопрос о свободном плавании по Амуру (3-я миссия (1736–1745 гг.)). В связи с планом захвата Амура

МИД поручил архимандриту Вениамину (Морачевичу), начальнику 11-й миссии (1830–1841 гг.), «обратить на вышеуказанный предмет все внимание: собрать точные сведения о течении р. Амур, о глубине оной, о свойстве берегов и населенности по оным» [19]. 12-я миссия (1840–1849 гг.) находилась в Пекине во время первой «опиумной войны». Поток дешевых английских товаров, хлынувший в Цинскую империю, вызвал сильное сокращение русско-китайской торговли в Кяхте. В этих условиях миссия должна была выяснить ряд вопросов политического и экономического характера и предоставить максимальную информацию правительству.

Во время пребывания в Китае 13-й и 14-й миссий страну потрясло одно из крупнейших событий политической жизни – «Тайпинское восстание» (1850–1864 гг.) [20], отразившееся на положении миссионеров. Архимандрит Палладий регулярно посылал донесения в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому [21], вел дневник [22]. О. Гурий (Карпов) доносил в Петербург: «Послал верного человека в Тяньцзинь... для закупки образцов европейских товаров нового привоза. Кстати поручил ему осмотреть и возведенные укрепления, лагерь, батареи, обратить внимание на дух народа и войска, прислушаться к говору» [23]. Восстание нашло отражение и на страницах политического дневника К. А. Скачкова [24].

Перед сменой 13-й миссии произошли события, в корне изменившие политические отношения России с Китаем и сказавшиеся на традиционном статусе духовной миссии. В октябре 1856 г. началась вторая «опиумная война» Англии и Франции против Китая. Россия выступила в качестве посредника между воюющими сторонами, чтобы ограничить требования британского и французского правительств и добиться для себя от Цинского правительства решения ряда вопросов в отношениях между странами. Посредническая миссия возлагалась на посла Е. В. Путятину и была продолжена графом Н. А. Игнатьевым. В результате были подписаны Айгуньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры. В подготовке и заключении трактатов существенную помощь оказали настоящие и бывшие члены духовной миссии. В свите Н. Н. Муравьева были А. А. Татаринов, Аввакум (Честной), К. Г. Крымский. Е. В. Путятину помогали Палладий (Кафаров) и М. Д. Храповицкий. При Н. А. Игнатьеве состояли А. А. Татаринов и Гурий (Карпов). Наиболее активную роль играли П. И. Кафаров и А. А. Татаринов. Архимандрит Палладий пользовался

среди маньчжурских чиновников большим авторитетом. Его приглашали в Трибунал и даже в Государственный совет для перевода бумаг с русского и других языков. По просьбе посла Палладий (Кафаров) вместе с М. Д. Храповицким, оставленным Е. В. Путятиным для перевода Тяньцзиньского трактата, ездил в Дагу и обратно в качестве посредника для передачи предложенный российского уполномоченного высшим маньчжурским чиновникам. О заключении Пекинского договора, о положении внутри страны сообщал в Азиатский департамент Гурий (Карпов) [25]. «Если хотите, чтобы трактат ваш свято исполнялся, – советовал он российскому правительству в июньском донесении в 1861 г., – и вас лично уважали... то побейте их, да побольнее: чем больнее вы побьете китайцев, тем они искренней будут уважать вас. Три года я проповедаю эту неутешительную вещь» [26].

На членах миссии лежали также обязанности собирать информацию торгово-экономического характера: об экономике Китая, о потребительских вкусах китайцев, о внутренних торговых путях Китая, о конкуренции европейского капитала и т. д. Наиболее активно в этом направлении действовала 12-я духовная миссия. Ловко и ненавязчиво направлял китайцев на развитие торговых отношений с Россией Гурий (Карпов): «Спрашивали меня еще: нельзя ли занять у нашего Государя денег миллионов пятьдесят рублей, конечно, с процентами и уплатою в условленные сроки. Эту затею я решительно остановил. Государь наш не купец, говорил я, предложением процентов вы его обидите. Если у него есть лишние деньги, то он просто подарит (что за счет между друзьями). Рассудите сами: если он вам подарит, хорошо ли вам принять подарок? Пятьдесят миллионов рублей ведь не безделица. А если у него кто-либо уже выпросил прежде вас, и он должен будет отказать вам, хорошо ли вам выслушать отказ? Вы сделаете гораздо лучше, если попросите у нашего Государя позволения занять эту сумму у наших купцов. Тогда отказу не будет, и дело это, полагаю, может состояться» [27].

Когда Англия, Франция и США прислали своих резидентов в Китай, Россия сделала то же самое в 1860 г. А затем уже сам собой возник вопрос о разделении духовных и дипломатических функций миссии. С 1864 г. миссия занималась исключительно духовными делами и постепенно перестала играть политическую роль, хотя русские послы и дипломаты продолжали пользоваться связями миссии в Китае.

Необходимость России в квалифицированных переводчиках для поддержания дипломатиче-

ских, торговых и культурных отношений с Китаем на первое место поставила задачу изучения китайского и маньчжурского языков. Члены миссий, особенно первых, постоянно сталкивались с этой проблемой. Восток не входил в программу образования в России XVIII в., однако только умение читать могло создать чувство времени, пропорции, места.

Попытки введения преподавания китайского и маньчжурского языков путем организации различного рода школ и курсов не раз предпринимались правительством России в XVIII – первой половине XIX в. В разное время действовали «мунгальская школа» Антония (Платковского) в Иркутске (1724–1739 гг.), школы Ф. Дзоги в Москве (1738–1741 гг.), И. Россохина (1741–1751 гг.), А. Леонтьева (1762–? гг.), А. Владыкина (1798–1801 гг.) в Санкт-Петербурге, училище китайского языка в Кяхте (1835–1867 гг.). Программы преподавания китайского и маньчжурского языков и проекты преобразования учебного процесса предлагали в первой четверти XIX в. Софроний (Грибовский), начальник 8-й духовной миссии (1794–1808 гг.), Иакинф (Бичурин), начальник 9-й духовной миссии (1808–1821 гг.), декабрист А. О. Корнилович, министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Уникальной практической школой восточных языков была Российская духовная миссия в Китае. С 1715 г. миссия обеспечивала кадры переводчиков в общероссийском масштабе. После реорганизации в 1864 г. и отделения от нее дипломатических функций миссия стала использоваться для подготовки специалистов для приграничных районов (Кяхта). В ее стенах проходили подготовку стажеры и стипендиаты [28].

До 1864 г. миссия обеспечивала кадры переводчиков в общероссийском масштабе. После реорганизации в 1864 г. она стала использоваться для подготовки кадров переводчиков для приграничных районов (Кяхта).

Значение православной миссии в Китае при посредничестве между Россией и Китаем было значительным, так как общение с русскими ограничивалось лишь торговыми договорами и приемами частных торговых караванов на протяжении почти 150 лет. Российская духовная миссия в Пекине удовлетворяла постоянный интерес к Китаю как огромной соседней стране со своеобразной цивилизацией, помогала в связи с развитием русско-китайских отношений правительственным кругам осмыслить внутривосточные процессы, происходящие в Цинской империи, понять цели их внешней политики, преодолеть язы-

ковой барьер в дипломатических и торговых связях.

Примечания

1. Цит. по: (Адоратский), Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования / Николай (Адоратский) // Православный собеседник. – 1887. – Октябрь. – С. 194.

2. Атеист. – 1930. – № 49. – С. 12.

3. Китайский благовестник. – 1912. – Вып. 7. – С. 24.

4. Атеист. – 1930. – № 49. – С. 12.

5. Китайский благовестник. – 1912. – Вып. 7. – С. 21.

6. Атеист. – 1930. – № 49. – С. 15.

7. Китайский благовестник. – 1912. – Вып. 7. – С. 25.

8. Атеист. – 1930. – № 49. – С. 13.

9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). – Ф. 273. – Картон 27. – Д. 2. – Л. 205об.-271 об.

10. Там же. – Л. 209–209 об.

11. Там же. – Л. 204 об.

12. Там же. – Л. 219 об.

13. Там же. – Л. 262.

14. Там же.

15. Там же. – Л. 233–233 об.

16. Цит. по: Барановский, М. Пекинская духовная миссия (из деятельности царской России в Китае) / М. Барановский // Атеист. – 1930. – № 49. – С. 17.

17. Известия Братства Православной Церкви в Китае. – 1907. – Вып. 44–45. – С. 18.

18. Там же. – С. 19.

19. Там же. – С. 13.

20. Подробнее см.: Илюшечкин, В. П. Крестьянская война тайпинов / В. П. Илюшечкин. – М., 1967.

21. Русский архив. – 1914. – № 8–10.

22. Дневник архимандрита Палладия за 1858 год. – СПб., 1912.

23. Цит. по: Барановский, М. Указ. соч. – С. 19.

24. Скачков, К. А. Пекин в дни тайпинского восстания / К. А. Скачков. – М., 1958.; ОР РГБ. – Ф. 273. – Картон 11. – Д. 1–5, 7–9; картон 12. – Д. 1–5, 7.

25. Русский архив. – 1907. – № 12. – С. 502–513.

26. Цит. по: Барановский, М. Указ. соч. – С. 21.

27. Русский архив. – 1907. – № 12. – С. 511.

28. См.: Хохлов, А. Н. Стажеры и стипендиаты при Пекинской Духовной Миссии / А. Н. Хохлов // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. – СПб., 1993. – С. 62–74.